

УДК 351.746.1:329.361:271.2

**АНТИРЕЛИГИОЗНЫЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ОРГАНОВ
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ СССР В ПЕРИОД МЕЖДУПАТРИАРШЕСТВА
В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ (1925-1943 ГГ.)**

Пидгайко В.Г.

В данной статье на основе редких опубликованных и неопубликованных источников автором анализируются наиболее известные групповые агентурные дела, агентурно-оперативные разработки спецслужб, реализованные органами госбезопасности в отношении церковно-монархических и мистических группировок. Показаны основные направления деятельности НКВД/НКГБ по «религиозному вопросу» в годы Великой Отечественной войны. Сделан вывод о том, что отчасти именно под влиянием органов госбезопасности Сталин перешёл от политики притеснения и ограничения деятельности Русской Православной Церкви и остальных религий, к политике определённой «разрядки», результатом которой стало возрождение православных приходов и общин иных конфессий.

Ключевые слова: агентурное дело, агентурно-оперативная разработка, агентурная работа, церковно-сектантская контрреволюция, ОГПУ, НКВД, НКГБ, репрессии, духовенство.

**ANTI-RELIGIOUS DIVISIONS OF SOVIET STATE SECURITY
BODIES DURING INTER-PATRIARCHAL PERIOD
IN THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH (1925-1943)**

Pidhayko V.G.

Based on rare published and unpublished sources this paper analyses the most famous group of agent files, agent-operative cultivations of special services implemented by state security agencies in relation to Church-monarchical and mystical groups. It shows main directions of the NKVD/NKGB activities on the “religious question” during the Great Patriotic War. In conclusion, partly under influence of state security agencies, Stalin moved from the oppression and restriction

policy of the Russian Orthodox Church and other religious activities to the policy of a certain “détente”, which resulted in the revival of Orthodox parishes and communities of other faiths.

Keywords: intelligence file, intelligence and operational development, intelligence work, Church-sectarian counter-revolution, OGPU, NKVD, NKGB, repression, clergy.

На общероссийском уровне вскоре после Октябрьского переворота 1917 г. правительством большевиков для борьбы с религией были образованы несколько структур, осуществлявших и контрольно-регламентирующие, и репрессивно-карательные функции. Создание особых органов по борьбе с церковью было продиктовано антирелигиозной политикой властей. Однако окончательная институализация антирелигиозного подразделения в советской системе органов госбезопасности произошла только в 1930 г., что и определило хронологические рамки настоящего исследования.

Вначале следует сделать краткий экскурс в историю развития ответственных за антирелигиозную работу подразделений советских спецслужб, начиная с 1917 г.

Первый основной правительственный контролирующий (но при этом не имевший контрольно-регламентирующих функций) орган по надзору за религией был создан 8 мая 1918 г. Это был особый, «ликвидационный» отдел – сначала Восьмой, а в 1922-1924 гг. – Пятый, существовавший при Народном комиссариате юстиции (НКЮ) РСФСР. В августе 1924 г. этот отдел был упразднен, и его функции были переданы новосозданному Секретариату по делам культов при председателе ВЦИК РСФСР, преобразованному в 1929 г. в Комиссию по делам культов. Помимо правительственного, существовал также партийный орган по борьбе с религией – Межведомственная антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б), созданная постановлением Секретариата ЦК РКП(б) от 13 октября 1922 г., и упразднённая в декабре 1929 г. Также на высшем правительственном уровне в 1921-1923 гг. функционировала Центральная

комиссия по изъятию церковных ценностей (КИЦЦ), которую возглавлял Л. Троцкий.

По образцу РСФСР уже к лету 1922 г. такие же структуры были сформированы и в Украинской ССР – формально самостоятельные, но реально являвшиеся филиалами российских правительственных учреждений. Единственной особенностью Советской Украины в этом отношении было то обстоятельство, что в республике никогда не существовало своей комиссии по вопросам культов при местном ЦИКе (такая комиссия в 1929 г. организовалась при ВЦИК, в 1933 г. основана при ЦИК Белорусской ССР, в 1934 г. образована в качестве постоянного органа при ЦИК СССР, в 1938 г. упразднена). Вместо неё продолжал существовать уже со значительно урезанными полномочиями отдел культов при Центральном административном управлении НКВД Украинской ССР.

Однако важнейшую роль в реализации антирелигиозной политики советского правительства, в определении форм и методов борьбы против Русской Православной Церкви и других крупнейших религиозных организаций играли именно органы госбезопасности, в которых существовали подразделения, ответственные за работу с религиозными организациями и духовенством.

С 14 января 1921 г. функционировало 6-ое (антирелигиозное) отделение при Секретном отделе ВЧК, с 6 февраля 1922 г. – при ГПУ РСФСР, с 15 ноября 1923 г. – при ОГПУ СССР. В 1921-1922 гг. данное отделение возглавлял Иван Рутковский, а в 1922-1930 гг. его бессменным главой вплоть до реорганизации являлся Евгений Тучков. Примечательно, что Тучков контролировал и другие контрольно-регламентирующие органы советской власти по надзору за религиозными организациями: так, до 1929 г. он был членом Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б), а в 1929-1932 гг. являлся ответственным секретарем Центральной комиссии по вопросам культов при Всероссийском ЦИК.

К моменту образования СССР (30 декабря 1922 г.) в Украинской ССР уже существовало свое «антирелигиозное» подразделение. Сначала это было «пято-

шестое» отделение при ЧК Украинской ССР (в 1921-1922 гг.). Его начальником в 1921-1922 гг. был Михаил Серафимов, возглавлявший созданную решением политбюро ЦК КП(б)У от 4 июля 1922 г. комиссию по антирелигиозной пропаганде, но отозванный в конце 1922 г. в Москву за неправильную работу с церковниками. Затем был новый начальник Андрей Соколовский, являвшийся членом антирелигиозной комиссии при ЦК КП(б)У. С 1923 г. упоминается 6-ой отдел СО ОГПУ Украинской ССР, первым руководителем которого в 1923-1924 гг. являлся Василий Иванов.

При этом часть репрессивных функций дублировало и отделение культов Административного отдела НКВД Украинской ССР, первым начальником которого в 1922-1923 гг. был Иван Сухоплюев, принимавший активное участие в кампании по изъятию церковных ценностей.

После того, как 28 декабря 1930 г. НКВД Украинской ССР был упразднен, существовавшая при нём Инспектура культов перешла в ведение Всеукраинского ЦИК Советов (ВУЦИК). По её предложению 28 июня 1932 г. Секретариатом Президиума ВУЦИК была издана инструкция «О порядке организации, деятельности, отчетности и ликвидации религ. обществ и системы учета админ. органами состава религ. обществ и служителей культа», близкая к нормам постановлений Всероссийского ЦИК и СНК РСФСР о религиозных обществах от 9 апреля 1929 г.

В 1930-1938 гг. во главе Инспектуры культов при Секретариате Президиума ВУЦИК стоял кадровый сотрудник НКВД Г.С. Катунин (в 1945-1960 гг. зам. уполномоченного по делам РПЦ при СМ Украинской ССР). Он с 1934 г. согласовывал деятельность своего органа с всесоюзной Комиссией по вопросам культов при ЦИК СССР, образованной в 1934 г. вместо упраздненной Всероссийской комиссии. В его подчинении находились инспекторы культов при облисполкомах.

Особый орган существовал в Крымской АССР. Там решением Президиума Крымского ЦИК от 13 августа 1925 г. была создана Центральная комиссия по церковным делам при Президиуме Крымского ЦИК, включавшая в

свой состав 6 человек: 3 представителей правоохранительных органов (НКВД, ГПУ, прокуратуры) и 3 представителей Президиума ЦИК Крыма, а возглавил её сам глава Президиума ЦИК Вели Ибраимов. Постановлением ЦИК от 15 октября 1927 г. эта структура была переименована в Центральную комиссию по делам культа при Крымском ЦИК [2, л. 2-3]. В переписке, посвящённой созданию комиссии, указано, что одной из причин её образования стали многочисленные нарушения законодательства в работе местного админотдела НКВД. В связи с этим возникла необходимость создания специального органа по контролю работы властей с религиозными организациями. Это было сделано по совету ответственного секретаря Председателя ВЦИК по делам культов Николая Орлеанского.

Крымская комиссия действовала особенно активно. Секретарь Председателя ВЦИК и глава Центральной комиссии по вопросам культов Смидович вынужден был дважды – в 1932 г. и в 1936 г. «смирять» чрезмерное вмешательство крымской культовой комиссии в работу епископа Крымского Порфирия (Гулевича).

Таким образом, реальная власть над религиозными организациями в начале 1930-х гг. продолжала сохраняться за «религиозным отделом» ОГПУ. Его постепенная реорганизация происходит в 1929-1930 гг., в условиях, когда состоялась первая более-менее полная кодификация советского законодательства о религиях и культах. Вместо аморфного и фактически беспорядочного секретариата культов при ВЦИК, сотрудники которого выполняли роль консультантов и принимали жалобы, был организован новый, более влиятельный орган ВЦИК по контролю за религиозными организациями, имевший юридически регламентированные контрольно-регламентирующие и регистрационные функции.

Когда 8 апреля 1929 г. было принято постановление ВЦИК «О религиозных объединениях», впервые предусматривавшее обязательную регистрацию всех без исключения религиозных объединений и их руководящих органов («двадцаток») в центре и на местах с регламентацией их прав и

обязанностей, то в соответствии с этим постановлением, для реализации его правовых норм по решению Президиума ВЦИК была создана Центральная культовая комиссия при ВЦИК РСФСР. Комиссию возглавили председатель Петр Смидович и его заместитель Петр Красиков. Комиссия Смидовича действовала при председателе ВЦИК М. Калинине, с которым тесно координировала свою деятельность. Но также она тесно координировала свою деятельность с ОГПУ. Уполномоченным представителем от ОГПУ в этой комиссии в 1929-1930 гг. был Е.А. Тучков, а с его отходом от религиозного отдела – другие сотрудники ОГПУ.

Дополнительная регламентация деятельности религиозных общин произошла после опубликования, с уточнениями и дополнениями, обновлённой инструкции НКВД «О порядке проведения в жизнь законодательства о культах» от 20 января 1931 г., и после принятия постановления ВЦИК РСФСР от 30 мая 1931 г. «О постоянной центральной и местных комиссиях по рассмотрению религиозных вопросов».

В условиях реформирования ОГПУ, вместо 6-го отделения СО 25 февраля 1930 г. было образовано 3-е отделение Секретно-политического отдела (СПО) ОГПУ СССР. Если раньше отделение под руководством Тучкова имело исключительно антирелигиозную направленность, то теперь, по новому штатному расписанию, отвечало за борьбу не только с церковно-сектантскими, но также с монархическими, фашистскими и кадетскими группами. Это было закреплено в приказе ОГПУ № 95/54 от 5 марта 1931 г. «О реорганизации информационного и секретного отделов ОГПУ и им соответствующих аппаратов местных органов» [8, с. 532-534].

В задачи отделения с тех пор входили как основные объекты для «информационно-агентурного обслуживания»:

а) руководство легально существующих церковных объединений и их периферийных организаций: обновленцы, староцерковники (бывшие тихоновцы), ВВЦС, украинские и белорусские автокефалисты, грузинская, армянская и греческая церкви;

б) подпольные церковно-монархические к.-р. организации и группы (имяславцы, подгорновцы, бродячее монашество, различные братства и сестричества и нелегальные ячейки церковников);

в) антисоветские элементы церковно-приходских советов;

г) агентурно-оперативная работа среди верующих, направленная на выявление контрреволюционных элементов, группирующихся вокруг церкви;

д) информационное освещение, агентурная разработка, оперативные мероприятия и следствие по всем видам сектанства (евангелисты, баптисты, адвентисты, хлысты, скопцы, секты нового образования);

е) иудаисты;

ж) агентурно-оперативное обслуживание монархических, фашистских и кадетски настроенных элементов из бывших членов правых политических партий и из неорганизованного населения (чиновничество, фабриканты, торговцы и кустари и т. д.);

з) разработка и оперативные мероприятия по бывшим провокаторам, жандармам и полиции» (Перечень функций процитирован почти дословно по тексту приказа).

С расширением штата 3-е отделение имело более чёткую структуру с низовыми структурами во всех союзных республиках, автономных республиках, краях и областях. Появление «дополнительных» сфер ответственности давало возможность приплетать духовенство к различным белогвардейско-монархическим и фашистским группировкам, в рамках сфабрикованных политических дел.

С 1 апреля 1937 г. за религиозные вопросы отвечало 12-е отделение 4-ого отдела ГУГБ НКВД СССР, его начальником в апреле-сентябре 1937 г. был Михаил Сербинов-Левит, впоследствии репрессированный. С 21 ноября 1937 г. это подразделение возглавлял Эдуард Бартошевич. Он был уволен из органов госбезопасности 21 января 1939 г. в условиях массовых кадровых чисток. С Бартошевичем тесно взаимодействовали другие контрольно-регламентирующие органы. Так, в начале января 1938 г. от общины московской

Успенской церкви на Сретенке была направлена председателю Постоянной Всесоюзной культовой комиссии ЦИК СССР Петру Красикову жалоба о том, что Тульско-Московский обновленческий митрополит Тихон (Попов) до революции, являясь белым священником, входил в «Союз русского народа», был «черносотенцем». Красиков уже 27 января 1938 г. переслал этот донос главе «церковного отдела» НКВД Бартошевичу [3, л. 1-2.]. Как результат, уже в 1938 г. Тихон (Попов) был репрессирован.

Именно при Бартошевиче в декабре 1938 г. по линии 2-ого отдела ГУГБ НКВД (под руководством Н.А. Богомолова, помощника начальника 2-го отдела ГУГБ) было заведено общесоюзное централизованное групповое агентурное дело «Мракобесы». Указанная разработка была направлена для нейтрализации деятельности активных участников мистических течений (например, масонства), в том числе и бывших членов разгромленного в 1926 г. «Русского теософического общества», осевших после отбытия незначительных сроков наказания в Москве, Ленинграде, Смоленске, Ростове-на-Дону и Тбилиси, а также в Тарусе Калужской области.

Данное дело не имело значительных результатов. Хотя вполне возможно, что с ведением данного агентурного дела непосредственно связаны аресты эзотериков в разных регионах СССР. В частности, арестам подверглись находившиеся в административных ссылках или проживавшие в качестве «поднадзорных» в спецпоселениях бывший глава масонского общества «Эмеш редививус» Е.К. Тегер из Владивостока, бывший глава ордена розенкрейцеров-орионийцев В.В. Белюстин из Сталинабада, бывший глава московской ложи «Garmonia» С.В. Полисадов из Ташкента, бывший глава «Русского автономного масонства» Б.В. Астромов-Кириченко из Гудауты, а также бывший активный участник теософской группы Г.М. Каракулев из Владивостока. Как предполагает А.Л. Никитин, в роли возможных агентов при разработке мистических течений могли выступать тамплиер Ф.П. Веревин, мистики М.Д. Асикритов, А.И. Ларионов и Н.А. Брызгалов, которые кратковременно арестовывались, но при этом избегали длительного заключения [18, с. 292-295].

Вероятно, также в рамках разработки «Мракобесов» в Москве 24 июня 1941 г. арестовали известного своими мистическими воззрениями художника Бориса Смирнова-Русецкого. Однако это агентурное дело, как «малоперспективное», было завершено в 1942 г., хотя именно его наработки стали фундаментом для постепенного развёртывания в декабре 1941 – январе 1942 гг. нового агентурного дела под кодовым названием «Монастырь» [9, с. 191-192].

Никаких точных сведений о том, кто конкретно отвечал за религиозные вопросы в системе органов госбезопасности с января 1939 г. по февраль 1941 г., и координировал соответствующее направление работы в ГУГБ НКВД, не имеется. Известно только, что с 28 марта 1938 г. за вопросы борьбы с церковно-сектантской контрреволюцией отвечал 4-ый отдел 1-го управления ГУГБ НКВД, а с 29 сентября 1938 г. эти же вопросы курировало 10-е отделение 2-го отдела ГУГБ НКВД. Впрочем, указанные сведения, опубликованные в одном из справочников, нуждаются в дополнительной проверке и уточнениях [8, с. 228].

Утверждение О. Смылова о том, что в 1938-1941 гг. «антирелигиозное» отделение ГУГБ НКВД якобы возглавлял будущий председатель Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпов, не соответствует действительности [14, с. 215]. По данным Н.В. Петрова, Карпов с 27 июня 1938 г. по 1 марта 1939 г. возглавлял Псковский окружной отдел НКВД, с 1 марта 1939 г. по 1 марта 1940 г. был заместителем начальника 8-го отделения 2-го отдела ГУГБ НКВД, с 1 марта 1940 г. по 27 февраля 1941 г. – начальником 2-го отделения 2-го отдела ГУГБ НКВД [13, с. 444-445]. Ни одна из названных структур к разработке «церковников» отношения не имела. Поэтому основным координатором антирелигиозных акций НКВД в 1938-1939 гг., видимо, оставался Бартошевич, а кто занимал эту нишу после его увольнения в период 1939-1941 гг. неизвестно.

Деятельность церковных общин и далее находилась в компетенции как секретно-политического, так и контрразведывательного отделов при ГУГБ НКВД. Из бывших начальников «религиозных» подразделений советских

спецслужб Бартошевич и Полянский оставались задействованными в репрессивных акциях, хотя уже и не на «религиозном фронте».

На смену групповым политическим делам в условиях «большого террора» 1937-1939 гг. в 1940-1941 гг. получили распространение групповые агентурные разработки, а также оперативно-агентурные дела по отдельным церковным структурам – епархиям, приходам кафедральных соборов, и так далее. Некоторые из таких разработок сохраняли свою актуальность и с началом войны в 1941 г., и даже в послевоенный период.

Военная «разрядка» отношений с РПЦ и другими конфессиями на фоне борьбы с коллаборационизмом (1941-1943 гг.)

В начале 1941 г. была сформирована новая сеть «религиозных» подразделений при органах безопасности, что было обусловлено присоединением к СССР новых территорий с очень большим количеством действующих храмов и монастырей и с довольно неоднородным составом духовенства, в значительной своей части «антисоветски настроенного».

С 27 февраля по 31 июля 1941 г. существовал специализировавшийся по духовенству 5-й отдел 3-го (секретно-политического) управления НКГБ СССР (сфера ответственности – борьба с церковной и белогвардейской контрреволюцией; РОВС, РПЦ и эмигрантские организации).

Также с 27 февраля по 13 августа 1941 гг. функционировал 4-й отдел 3-го управления НКГБ СССР (сфера ответственности – борьба с националистами и духовенством всех конфессий, кроме РПЦ), который затем получил новые полномочия – сфера ответственности – борьба с церковной и белогвардейской контрреволюцией, РПЦ и церковными сектами, руководство агентурно-оперативной работой в деревне. С 24 декабря 1941 г. отдел возглавлял Георгий Карпов. 16 мая 1943 г. структура была переименована в 5-й отдел 2-го управления НКГБ.

24 декабря 1941 г. новообразованный 3-й отдел 3-го управления НКВД, специализировавшийся на борьбе с националистами и духовенством всех

конфессий, кроме РПЦ, и просуществовавший вплоть до мая 1943 г., возглавил Сергей Литкенс. Заместителем Литкенса в 1941-1942 гг. был Евгений Рудаков.

В компетенцию двух данных отделов – «православного» и «неправославного» входила в том числе и религиозная ситуация на оккупированных территориях, где остались завербованные лица из различных конфессий. Все особенности «зафронтной» религиозной жизни отслеживали как представители партизанской разведки, так и агенты-одиночки, оставленные «на оседание» на оккупированной территории.

В партизанских сводках всячески подчёркивался коллаборационизм со стороны представителей церкви, их идейно-воспитательная работа среди населения в целях пропаганды профашистских настроений. Безусловно, масштабы церковного коллаборационизма в данных сводках преувеличивались.

Хотя, с другой стороны, оккупанты действительно отводили в своих планах очень важную роль религиозному коллаборационизму, который априори должен был иметь огромное значение в пропаганде «борьбы с безбожием», в идеологическом воспитании населения оккупированных территорий, в психологической войне против СССР.

Так в оккупированном Смоленске подбором священников для открывшихся храмов занимался лично бургомистр города Б.Г. Меньшагин. По его протекции настоятелем кафедрального собора Смоленской епархии, открытого в ноябре 1941 г., стал протоиерей Николай Шиловский, вторым священником – протоиерей Павел Беляев, оба в послевоенный период были репрессированы. В январе-июне 1943 г. в Смоленске действовали 6-месячные пастырские курсы, которые возглавлял судья Смоленского окружного управления А.Н. Колесников, а его заместителем стал протоиерей Е. Лызлов, преподававший церковное пение. Интересно, что преподавателем истории Церкви на данных курсах являлся бургомистр Смоленска Меньшагин. В июне 1943 г. курсы закончили 40 человек [12]. Также в Смоленске при Успенском соборе 25 марта 1943 г. основан епархиальный кружок по религиозно-нравственному просвещению [5, с. 255-257].

В оккупированном Ростове-на-Дону такие же кратковременные курсы в сентябре-октябре 1942 г. возглавил профессор богословия А.М. Иванов, параллельно заведовавший отделом религиозных культов Ростовского бургомистерства (городской управы) [6, с. 86]. Аналогичные курсы в октябре 1942 г. упоминаются в оккупированном Пятигорске. В то же время, создавая видимость коллаборационизма, священник Петр Заберовский из Ростова-на-Дону тайно помогал партизанскому подполью в укрытии связных и создании явок, поставлял партизанам продукты и медикаменты.

В годы войны распространялись различные профашистские декларации, особенно со стороны белорусских и украинских церковных деятелей. Особую активность в этом направлении проявлял ставший 17 мая 1942 г. епископом Смоленским и Брянским Стефан (Севбо) – представителем Белорусской Автокефальной Православной Церкви. Заместителем епископа Стефана по Брянской области, а также благочинным Брянского округа с ноября 1941 г. был архимандрит Павел (Мелетьев) [17, с. 85-95], который 17 июня 1943 г.) был поставлен во епископа Рославльского, викария Смоленской епархии.

12 октября 1942 г. с предательскими и антисемитскими заявлениями через оккупационную газету «Острогожский листок» выступил обновленческий архиепископ Острогожский и Валуйский Алексей (Щербаков) [1, с. 32]. Этот обновленческий деятель являлся наиболее резким в своих профашистских заявлениях, за что и был репрессирован после войны [15, с. 155]. Священник Иванов из Курска ещё до начала оккупации ссылался на авторитет архиепископа Онуфрия (Гагалюка), приписывая ему заявления о восхвалении фашистов как будущих освободителей России от большевизма и как надёжную опору для Церкви [7, с. 28].

Логика оперативной работы «зафронтной разведки» состояла в том, чтобы, не делая открытую ставку на обновленцев, обеспечить поддержку для деятельности советских разведорганов и антифашистского подполья через определённые лояльные к Московской Патриархии группы на оккупированной территории. Но это удалось только в прифронтных районах, занятых немцами

– например, в Калинин, куда прибыл по заданию НКВД архиепископ Василий (Ратмиров), проводивший очень масштабную агентурную работу против немецких оккупантов, и двое его иподиаконов, являвшихся советскими разведчиками (в рамках спецоперации «Послушники», о которой впервые упоминал в своих мемуарах Павел Судоплатов).

Вот, как об этом пишет генерал-лейтенант ФСБ Василий Христофоров, ссылаясь на материалы Центрального архива службы: «Следует отметить, что оперативные группы в качестве прикрытия использовали различные возможности. Так, для обеспечения деятельности группы "Васько" в Калинин специально (по ходатайству верующих) была открыта одна из ранее бездействующих церквей. Верующие отнеслись к этому весьма благожелательно, однако чувствовалась известная настороженность, так как приезжих священнослужителей приняли вначале за обновленцев. Когда в октябре 1941 г. церковь разбомбили, службы шли в городском соборе. В группу были включены в качестве руководителя В.М. Иванов (оперативный псевдоним Васько), а также епископ Василий (В.М. Ротмиров), И.В. Куликов (Михась) и радистка Аня Баженова (Марта)» [16, с. 239].

В результате, частично удалось минимизировать коллаборационизм среди духовенства, и сохранить его приверженность Московской Патриархии не только в Калинин, но также и в оккупированном Курске, где среди прихожан и, вероятно, клира присутствовала достаточно мощная агентура НКВД-НКГБ, не допустившая туда к служению назначенного при поддержке немцев епископа Грайворонского Панкратия (Гладкова). В остальных же регионах разведывательная работа среди церковников была менее успешной.

Интересно, что одно из самых масштабных централизованных агентурных дел по религиозному вопросу под названием «Монастырь», ограничивавшееся поначалу только Москвой и Калугой, было заведено по линии 3-го (секретно-политического) управления НКВД СССР не позднее января 1942 г.

Впервые документы агентурного дела «Монастырь» наиболее широко (хотя и не полностью, а только фрагментарно) и с подробными комментариями были опубликованы в 2018 г. сотрудниками Центрального архива ФСБ [10, с. 190-193]. Вероятно, поводом к заведению этого дела стал арест в Москве 24 июня 1941 г. активного последователя «рериховцев» художника Бориса Смирнова-Русецкого с несколькими его соратниками, а также разрабатывавшееся ранее агентурное дело «Мракобесы».

Свое название это дело получило от группы мистиков-философов, собиравшейся дома у поэта-символиста Бориса Садовского в его квартире, обустроенной в бывшей келье в подземелье закрытой церкви упраздненного Новодевичьего монастыря в Москве. Ранее, в начале 1941 г. из близкого окружения Садовского были репрессированы участники «церковно-монархического кружка Раздольского» (Владимира Раздольского-Ратошского, выходца из Ростова-на-Дону, педагога, 1907 года рождения), ставившие перед собой якобы террористические задачи. Сам Садовский и его жена Наталья Воскобойникова по данным НКВД поддерживали религиозно-философские идеи Николая Федорова, но параллельно были связаны с «церковно-монархическими группами старцев – бывших монахов и монахинь, которые, находясь в глубоком подполье, пытаются влиять на массу верующих в антисоветском духе».

Несмотря на такое «антисоветское» окружение, Садовский с женой ни разу даже не арестовывался, поскольку их чета была хорошей «наживкой» для выявления новых «антисоветчиков-одиночек» (организованных групп в Москве тогда уже не было), являла собой уникальный и перспективный объект для наблюдения.

Одним из самых активных популяризаторов мистической философии Николая Федорова был связанный с Садовским бывший студент Московской духовной семинарии Александр Горский-Горностаев, проживавший в Калуге. Именно в эту группу внедрился в январе 1942 г. агент 2-го отдела 4-го управления НКВД СССР Александр Демьянов (позывной «Гейне»), вместе с

которым в Москве по данному агентурному делу работали ещё трое. Садовский с женой к тому времени уже увлекались не Православием, а теософией и гаданием, но параллельно сохраняли определённые церковно-монархические симпатии, проявляя некий религиозный синкретизм.

Они через Демьянова в середине февраля 1942 г. переслали за линию фронта к немцам листовки с просьбами создавать в Москве «скрытые ячейки подлинного освобождения России из-под ига большевиков». Представителям Абвера Демьянов заявил, что является представителем антисоветской церковно-монархической организации «Престол» и послан её руководителями для связи с немецким командованием. С момента проникновения Демьянова как курьера якобы существовавшей в Москве «тайной церковно-монархической группы» на оккупированную территорию, началась агентурная игра с немецкими разведорганами, основанная на пересылке дезинформации по линии радиосвязи. После тщательной проверки, допросов и даже имитации расстрела, немецкая разведка поверила Демьянову. Он прошел курс обучения в школе Абвера. 15 марта 1942 г. завербованный немцами Демьянов был выброшен на парашюте на советской территории с другим диверсантом и начал работать как перспективный «агент-двойник».

В дальнейшем, агентурное дело «Монастырь» утратило «антирелигиозную» окраску, превратилось фактически в «дезинформационную радиоигру» и использовалось для «перехвата» немецких диверсантов и курьеров. 18 августа 1944 г. было заведено новое агентурное дело «Березино». Ни Садовский, ни его жена, ни другие проходившие по агентурному делу «Монастырь» в качестве «церковно-монархических» деятелей лица арестованы не были. Исключение составил только Александр Горский-Горностаев, арестованный 4 февраля 1943 г. по обвинению в «проведении шпионской деятельности, антисоветской агитации и высказывании пораженческих настроений» и умерший в заключении 24 августа 1943 г. в Туле.

В литературе ранее высказывалась версия, что Горского-Горностаева расстреляли, но эту гипотезу опровергают ныне рассекреченные материалы из

архивов ФСБ [9, с. 108-155]. Арестованному вменяли в вину его социальное происхождение «из семьи служителя религиозного культа», прежнюю судимость «как активного члена контрреволюционной организации», «связь с профессором Сетницким», «нелегальную работу по вербовке сторонников и внедрению религиозно-философского учения Федорова». Также ему вменяли попытку открытия кладбищенской церкви во время оккупации Калуги немцами. Вероятно, именно с личностью Горского-Горностаева связывались определённые провалы и неудачи в агентурной операции «Монастырь», хотя уровень успешности этого дела, как обычно полагается в историографической традиции апологетов сталинизма, принято сильно преувеличивать. Одновременно с Горским-Горностаевым в оперативную разработку были взяты контактировавшие с ним священнослужители, открывавшие храмы в Калуге в оккупационный период. Это были: настоятель Георгиевской церкви Калуги священник Георгий Лысяк, второй клирик этого храма священник Иван Соловьев и сокурсник Горского-Горностаева по Московской духовной семинарии священник Николай Концевич, который успел сбежать к немцам.

Примечательны судьбы основных лиц, разрабатывавшихся по агентурному делу «Монастырь» в Москве. Дочь московского профессора Екатерина Крашенинникова и её сокурсница по отделению античности исторического факультета МГУ Ольга Сетницкая хоть и входили в «антисоветский кружок» Садовского, но после закрытия агентурного дела, избежав репрессий, продолжили работать на различных должностях в музеях. Жена Горского-Горностаева и участница кружка Ирина Гулидова несколько десятилетий была сотрудником Института леса АН СССР.

Успешная реализация агентурной комбинации с «церковно-монархическим подпольем» в 1942 г. (операция «Монастырь»), о чем было доложено Сталину, а также продуктивная работа архиепископа Василия (Ратмирова) на оккупированной территории (операция «Послушники») утвердили Кремль и Лубянку в необходимости «приручить» Церковь, а не вести курс на её полное уничтожение, как это делалось раньше.

Но ошибочно было бы говорить о том, что кардинальные изменения в церковно-государственных отношениях в СССР, или хотя бы минимальные «ослабления» наступили уже в 1941-1942 гг. Жёсткие порядки продолжали сохраняться, и любое восхваление религии могло привести к аресту. Так пасхальные празднества 1942 г. для некоторых православных верных Москвы обернулись допросами и заключениями.

В частности, как говорилось в спецсообщении НКВД, в период празднования Пасхи 1942 г. якобы с «антисоветскими» заявлениями выступали прихожанка Богоявленского собора Москвы Екатерина Кучинская и её дочь Елена Синько. Во время посещения собора они обращались к священникам с призывом ходатайствовать перед властью, чтобы, пользуясь военным временем, открыть как можно большее число церквей. Также эти прихожанки вели «антисоветские» разговоры. Они заключались в том, что война – это наказание Божье, расплата русских людей за допущенные большевиками грехи, за гонения на Церковь со стороны советской власти, и что это, наконец-то, свои ошибки понял сам Сталин, обратившись к вере. Цитировались следующие «крамольные» слова Екатерины Кучинской, произнесённые в разговоре с соседкой по квартире: «Молодежь, ученые, артисты, военные – все поняли, что за грехи наши приходится переживать столько страданий русским людям, и Сталин тоже понял, что без Бога не победит, и дал указание во всех церквях всю пасхальную неделю молиться за всех погибших и живых воинов, чтобы во всех церквях служили молитву Александру Невскому» [11, с. 216].

Как видим, сочинение «благочестивой» легенды про «уверовавшего» Сталина обернулось для Екатерины Кучинской очень пристальным вниманием и определёнными преследованиями со стороны НКВД, возможно – даже арестом и судом.

Ещё одну прихожанку Богоявленского собора арестовали за её высказывания о том, что, пока русские не опомнятся и не вернуться к вере Христовой, то они не победят фашистов. В селе Козлово Малоарославецкого района Московской области был арестован незарегистрированный священник

Чернышёв, организовавший в октябре 1941 г. в доме местной жительницы Хохловой нелегальное молитвенное помещение в условиях, когда сельский храм был разрушен. Этот клирик совершал на Пасху богослужение на дому, а также освящал там куличи и яйца. Аналогичный случай имел место в селе Мягово Коломенского района Московской области.

В апреле 1942 г. вскоре после изгнания из Подмосковья немецко-фашистских оккупантов органами НКВД был арестован настоятель церкви села Холмец Шаховского района протоиерей Василий Смоленский. Священник пострадал за то, что после прихода немцев 26 октября 1941 г. он самочинно открыл церковь, настоятелем которой был до её закрытия в 1940 г. Его также обвинили в том, что он якобы молился за немцев. Священник погиб в тюрьме от пыток [4, с. 166-167].

С началом Великой Отечественной войны власть в СССР постепенно стала менять своё отношение к Русской Православной Церкви. Прежде всего, это касалось церковного руководства в лице митрополита Сергия (Страгородского) и лиц из его ближайшего окружения, которых организованно эвакуировали в период битвы за Москву. Представители Церкви, остававшиеся служить в легально действующих религиозных общинах, в основном в Москве, Ленинграде, Горьком и других крупных городах в центральной части СССР, демонстрировали свою лояльность советской власти. Но почти во всех оккупированных регионах духовенство становилось на путь коллаборационизма, с разным уровнем «угодничества» фашистам, разной степенью «верноподданности» оккупантам и антисоветского радикализма.

Тем не менее, события продемонстрировали, что церковные организации в условиях войны, при правильном подходе и гибкой политике, могут приносить пользу государству, а при ошибочной линии, при чрезмерном администрировании и допущении перегибов, наоборот, духовные лица могут превращаться в непримиримых врагов государства, пособников любого завоевателя. Вероятно, именно органы госбезопасности сыграли свою роль в том, что Сталин сменил отношение к религии, и пришёл к выводу о

целесообразности восстановления легальных церковных структур в большинстве регионов СССР, а также включения Православной Церкви и других крупнейших конфессий в сферу политики, смягчения репрессивных мер в отношении религиозных структур.

Фактически Сталин перешёл к политике определённой «разрядки», после чего начали возрождаться приходы РПЦ, старообрядческие деноминации (белокриницкого согласия и поморцев), а также началась легализация действовавших ранее в подполье общин иудеев, баптистов, пятидесятников и адвентистов. Это позволило органам госбезопасности ослабить подпольные религиозные течения, лишив их значительной части вышедших из подполья верующих, и усилить контроль над легализовавшимися структурами церковного или «инославного» подполья, прививать в них воспитание лояльности советскому строю среди верующих. В условиях военных и послевоенных реалий это было крайне необходимой, и более действенной мерой, нежели тотальные репрессии.

Список литературы:

1. Воротилина Н.Г. О деятельности религиозных обществ Русской Православной Церкви на территории Воронежской области в годы Великой Отечественной войны // Воронежский вестник архивиста. Воронеж, 2005. Вып. 3. С. 30-33.
2. Государственный архив Крыма. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1299. Л. 2-3.
3. Государственный архив Российской Федерации. 5263. Оп. 1. Д. 1149. Л. 1-2.
4. Дамаскин (Орловский), игумен. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Июнь-август. Тверь: Булат, 2003. 288 с.
5. Ермолов И.Г. Под знаменами Гитлера. М.: Вече, 2013. 464 с.
6. Журавлёв Е.И. Коллаборационизм на юге России. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 2006. 229 с.

7. Зарубин Д.Е. Дело Иванова и еп. Онуфрия // Курский край. 2007. № 1 (94). С. 25-30.
8. Лубянка: ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917-1960. Справочник / Под ред. Р.Г. Пихоя, сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М.: МФД 1997. 352 с.
9. Макаров В.Г. Архивные тайны: интеллигенция и власть (К 80-летию высылки деятелей культуры и науки из Советской России в 1922 г.) // Вопросы философии. 2002. № 10. С. 108-155.
10. Макаров В.Г., Тюрин А.В. Смерш: война в эфире, 1942-1945. М.: Русский путь, 2018. 885 с.
11. Москва военная, 1941-1945: мемуары и архивные документы. М.: Издательство объединения «Мосгорархив», 1995. 744 с.
12. Новый путь. Смоленск. 13 июня 1943 г. № 16 (168).
13. Петров Н.В. Кто руководил органами госбезопасности. 1941-1953: справочник. М.: Междунар. о-во «Мемориал»; Звенья, 2010. 1006 с.
14. Смыслов О. А. Богоборцы из НКВД. М.: Вече, 2014. 412 с.
15. Филоненко М.И. Фашистская пропаганда, направленная на советские войска и население временно оккупированных территорий СССР в годы Великой Отечественной войны // Воронежский вестник архивиста: научно-информационный бюллетень. Воронеж, 2005. Вып. 3. С. 148-169.
16. Христофоров В.С. Органы госбезопасности СССР в 1941-1945 гг. М.: Изд-во Гл. арх. упр. г. Москвы, 2011. 430 с.
17. Черняков Д. Православная Церковь на Брянщине в период нацистской оккупации (август 1941 – сентябрь 1943) // Вестник ПСТГУ. 2011. Вып. 5. С. 85-95
18. Эзотерическое масонство в советской России. Документы 1923-1941 гг. // Сост. А.Л. Никитин. М.: Минувшее, 2005. 533 с.

Сведения об авторе:

Пидгайко Владимир Георгиевич – магистр теологии, член Волынской областной организации Национального общества краеведов Украины (Луцк, Украина).

Data about the author:

Pidhayko Volodymyr Heorhiyovych – master of Theology, member of Volyn Regional Organization of the National Society of Local Historians of Ukraine (Lutsk, Ukraine).

E-mail: volodimerrlutsk@gmail.com.